

Девятое сентября, второе, ясно.

Сегодня первый день нового семестра. После уроков Синь Ци сказал мне: «Давай вместе вернёмся в комнату и сыграем в шашки?» Я не хотела возвращаться, хотела пойти на площадку и поиграть с одноклассниками в скакалку, попросила его подождать меня. Он подождал всего десять минут и разозлился, так разозлился, что даже пенал швырнул. Когда я вернулась, я с ним не разговаривала и в шашки не играла, а он так и не извинился. После ужина он снова пришёл ко мне и подарил этот дневник. Я спросила зачем, он сказал, что у кого плохая память, тому нужно завести привычку вести дневник. Я сказала, что с памятью у меня всё в порядке, а он сказал, что мы же договорились, когда вырастем, пожениться, и я не должна забывать об этом и не должна просто так переставать с ним разговаривать. Ещё сказал, что я не умею определять время по часам, — это были не десять минут, а пятьдесят.

...

Первое марта, ясно.

Сяо Мэй сегодня сказала мне, что она уезжает домой. Потому что учительница сказала, что её мама нашлась, и завтра вся семья приедет за ней на поезде из очень-очень далёких краёв: и папа, и мама, и старший брат, и старшая сестра, и дедушка, и бабушка. Учителя купили ей новую одежду и новый рюкзак. Сяо Мэй была очень счастлива, по дороге домой прыгала и болтала без умолку. Вечером я тихонько плакала — не знаю, когда смогу увидеть маму. Я спросила Синь Ци, хочет ли он увидеть маму. Он сказал, что не хочет, что мама от него уже отказалась, но когда он вырастет, он поможет мне найти мою маму. Я сказала, что когда вырасту, найду сама, а он сказал, что тогда я буду очень занята — меня ведь ждёт олимпийское золото по плаванию. А такое хлопотное дело, как поиски мамы, лучше поручить ему.

...

Восемнадцатое мая, туман.

Синь Ци сегодня поставили в угол. Потому что Сунь Хао и Фан Сяокуй из шестого класса толкали его на площадке, его очки упали и разбились. Синь Ци принялся на них орать, а когда я заметила, было уже поздно. На самом деле Чжан Хао и остальные давно сбежали, а обматерил он учителя Чэня, и наговорил таких ужасных слов, что учитель пришёл в ярость. Эх, что поделать, если у него зрение плохое. Синь Ци сказал, что видел только чей-то силуэт. Я спросила, если бы это была я, узнал бы он меня. Он сказал: «Я до сих пор ни разу не видел твоего лица как следует. Не волнуйся, я узнаю тебя по голосу».

...

Двадцать седьмое октября, дождь.

Синь Ци попал в больницу. Учительница велела мне хорошо записывать и ходить в больницу

помогать ему с уроками. Мне было немного страшно идти, я сказала учительнице, что у Синь Ци в последнее время ужасный характер: как только видит мои записи, сразу злится, говорит, что я на уроках ничего не понимаю, а конспекты веду кое-как, так что ему приходится учиться самому, а потом ещё и объяснять мне домашнее задание. Учительница сказала, что раз так, то ладно, не надо. В палате Синь Ци не хотел учиться, и я составила ему компанию в шашки. Мы играли три часа, и я всё время проигрывала. Я спросила Синь Ци, не скучно ли ему. Он сказал, что нет, что никто не хочет с ним играть, кроме меня.

Если честно, скучно было мне.

...

Двенадцатое января, снег.

Сегодня кто-то нарочно вылил мне остатки еды в рюкзак — испачкали тетради и учебники. Я знаю, что это наверняка Сунь Хао. После урока я обнаружила у себя в волосах три кусочка жвачки, и никак не могла их отодрать. В конце концов Синь Ци срезал их ножницами. В последнее время Сунь Хао постоянно меня задирает. Синь Ци сказал, что такого можно только вздуть как следует, чтобы запомнил. Они вдвоём здорово подрались на площадке — разбили носы и руки в кровь, их вызвали к директору. Учительница Е забрала Синь Ци и по дороге домой отчитывала его целых сорок минут. Вечером я увидела, что у Синь Ци всё лицо в синяках, и спросила, больно ли ему. Он сказал, что больно, и спросил, не хочу ли я его поцеловать — если поцелую, то боль пройдёт. Я сказала, что тут такого — я же своего плюшевого щенка, которого мне подарила Сяо Мэй, каждый день целую. И поцеловала его два раза.

...

Девятое июня, ясно.

Синь Ци сказал, что у меня только один талант лучше, чем у него, — это плавание. Сегодня школа организовала заплыв, и я решила его поучить. Но когда мы подошли к бассейну, Синь Ци наотрез отказался снимать верхнюю одежду и обязательно хотел остаться в чёрной футболке. Одноклассники над ним смеялись. Я сказала: «Синь Ци, я такого ещё не видела. Мальчикам для плавания достаточно только плавок». Он сказал, что нет, лучше вообще не плавать, чем раздеваться. Я снова спросила: «А как же душ? Тоже в футболке?» Он сказал, что да, если только нет отдельной кабинки. Я спросила, как же он намыливается. Он сказал, что намыливает прямо футболку, заодно и её стирает — два в одном.

Я никогда не видела такого стеснительного мальчика. Вечером в библиотеке никого не было, и я спросила его снова. Оказалось, что у него на груди длинный шрам. Синь Ци сказал, что кроме врачей и медсестёр, он никому не позволяет к нему прикасаться и не хочет, чтобы кто-то его видел. Но если мне правда интересно, я могу потрогать.

— Из дневника Су Тянь.

Поискав в интернете, Минь Хуэй обнаружила, что в одном приграничном городе на северо-востоке действительно существовал «Детский дом города Юнцюань». Сейчас он уже исчез. Из-за изменений административного деления, реформ учреждений, реконструкции старого города и нескольких переездов его объединили с другим детским домом в соседнем городе — «Вторым детским домом района Лунхуэй города Хайюань». Из Цзянчжоу на скоростном поезде туда можно было добраться за пятнадцать часов, с пересадкой в Пекине.

В тот же день после обеда она села на поезд.

На душе было тревожно, потому что сегодня было шестое июля, и до назначенной в письме встречи с Синь Ци оставался всего один день.

В поезде Минь Хуэй открыла дневник и ещё раз внимательно его перечитала. В дневнике описывалась жизнь девушки по имени «Су Тянь» с семи до двадцати двух лет. Несмотря на то, что блокнот казался толстым, содержание было не очень подробным. Во-первых, записи были разной длины — в среднем около двухсот иероглифов на каждую. Во-вторых, обновления были совершенно нерегулярными: самые частые записи приходились на возраст от семи до двенадцати лет, но и тогда они были не каждый день. Два раза в неделю — это в самом усердном случае, а в ленивые периоды она могла не писать ни строчки три месяца подряд. После двенадцати лет количество записей резко сократилось, в самый насыщенный год их было не больше десяти, а иногда встречались периоды в несколько лет полной пустоты.

Минь Хуэй заметила странную особенность: этот дневник был словно написан специально для мальчика по имени «Синь Ци» — почти в каждой записи он упоминался. После того как Синь Ци уехал, интерес Су Тянь к записям тоже пропал, и чем дальше, тем более сбивчивыми и бессвязными они становились.

Прочитав весь дневник, Минь Хуэй сделала следующие выводы.

Первое: Су Тянь — это и есть Ли Чуньмяо. Чуньцао в детстве жила в Детском доме города Юнцюань, а Су Тянь было её именем в этом детском доме. Синь Ци был с Су Тянь одного года и тоже жил в детском доме.

Второе: когда Су Тянь было двенадцать лет, Синь Ци усыновили, и он уехал из детского дома «в очень-очень далёкие края». Через три месяца мать забрала Су Тянь домой, и с тех пор они потеряли друг друга.

Третье: через десять лет, седьмого июля, Су Тянь пришла ждать Синь Ци, как и договаривались, но Синь Ци не появился. Она сделала последнюю запись в дневнике.